

От мальтузианских страхов к реальности: к вопросу о демографическом кризисе в современной России

Сучкова Ульяна Сергеевна

Студент,

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

E-mail: suchkova.uliana@yandex.ru

Альпидовская Марина Леонидовна

Доктор экономических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

E-mail: morskaya67@bk.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

демографический кризис, социально-экономическое развитие, структура семьи, естественный прирост, население, мальтузианство

АННОТАЦИЯ.

Демографический кризис в России, проявляющийся в устойчивой депопуляции, старении населения и трансформации семейной структуры, создает системные риски для социально-экономической устойчивости. Несмотря на значительное количество исследований, комплексный анализ взаимосвязи демографических тенденций с современными вызовами (последствиями локдауна, геополитическая нестабильность) остаются недостаточно разработанными. Целью статьи является выявление ключевых индикаторов демографического кризиса в России и оценка социально-экономических последствий. Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи: проанализировать динамику основных демографических показателей, оценить влияние демографических изменений, выявить системные риски и потенциальные последствия текущих демографических тенденций. В рамках исследования применены методы статистического анализа данных Росстата (по естественному приросту, рождаемости, смертности, брачности и структуре домохозяйств), сравнительного анализа эффективности демографической политики в России и КНР, экономико-демографического моделирования последствий демографических трансформаций. Результаты исследования показали, что основные индикаторы кризиса – отрицательный естественный прирост населения, старение общества, снижение трансформации и структурное изменение семьи оказывают разрушительное воздействие на экономику, проявляющееся в сокращении трудовых ресурсов, нагрузке на пенсионную систему и на социальную сферу, выражающейся в деградации сельских территорий, росте одиночества. Установлено, что отрицательный естественный прирост в 2023 году и рост демографической нагрузки ведут к сокращению трудовых ресурсов и дисбалансу пенсионной системы. Отмечается значительное преобладание бездетных и однодетных семей при крайне низкой доле многодетных. Выявлена некоторая недостаточность мер государственной поддержки. Полученные выводы могут быть применены при разработке государственной демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости, поддержку молодых семей и создание стабильной социально-экономической среды. Ограничением исследования является недостаток данных по некоторым периодам, что открывает направления для будущих исследований, включая углубленный анализ региональных различий.

JEL codes: J11; J13; J18; O15; I38

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-8-123-137>

Для цитирования: Сучкова, У.С. От мальтузианских страхов к реальности: к вопросу о демографическом кризисе в современной России / У.С. Сучкова, М.Л. Альпидовская. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №9. - С.123-137. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.09.2025)

Введение

Демографический кризис: вызов устойчивости государства в эпоху трансформации общества

Социально-экономическое развитие, так же, как и экономический рост и, следовательно, благосостояние населения находятся в прямой зависимости от демографической структуры общества, поскольку именно она определяет ключевые параметры социально-экономического прогресса в целом. Нарушение демографического баланса приводит к возникновению системных рисков для стабильности, неустойчивости и устойчивости всей страны, что подчеркивает необходимость целенаправленной демографической политики как стратегического элемента государственного регулирования.

Возникающий структурный сдвиг, проявляющийся в изменении ключевых демографических пропорций, выходит далеко за рамки сухих статистических данных; он служит мощным катализатором, запускающим глубинные и зачастую необратимые изменения во всей сложной системе общественных отношений. Наблюдаемая трансформация затрагивает самые основы межличностного взаимодействия: происходит переосмысление устройства семьи, сталкиваются ценностные установки разных поколений, ослабевают традиционные формы коллективной поддержки, при этом сам человек оказывается перед трудной задачей сохранения своей уникальности в условиях нарастающей изменчивости окружающего мира.

В условиях перехода к пост капиталистическому обществу нарастает тревожная тенденция: человек постепенно утрачивает свою созидательную и творческую сущность, превращаясь в пассивный элемент системы. Цифровизация, автоматизация и гиперконкуренция губительно сказываются на индивидуальности, подменяя живое творчество шаблонными алгоритмами, а глубокие знания — поверхностной клиповой (мозаичной) информацией. Труд теряет смысловую ценность, сводясь к выполнению узких, рутинных функций, что ведет к духовному и интеллектуальному обеднению личности. Вместо свободного развития человек оказывается заложником искусственно навязываемых потребностей, а его креативный потенциал подавляется гнетом массовой культуры и стандартизированного мышления.

Особую опасность представляет собой демографический кризис, под которым понимается резкое ухудшение численности и структуры населения, проявляющееся в снижении рождаемости ниже уровня воспроизводства, старении населения, росте смертности и депопуляции, что ведет к серьезным социально-экономическим последствиям. Это явление оказывает деструктивное воздействие на ключевые сферы общественной жизни, провоцируя негативные последствия в экономической, социальной, политической и культурной областях, что в совокупности создает системную угрозу устойчивому развитию государства. Так, в экономике кризис приводит к сокращению трудовых ресурсов, угрозе пенсионной системе из-за нехватки налогоплательщиков, снижению потребительского спроса и замедлению роста. В социальной сфере последствия включают перегрузку системы здравоохранения, закрытие учебных заведений из-за нехватки учащихся и рост одиночества среди пожилых людей. С политической точки зрения, кризис ослабляет обороноспособность страны из-за нехватки призывников, вынуждает привлекать мигрантов, что может вызвать социальную напряженность, и снижает геополитическое влияние государства.

Обзор теории

Изменение демографической структуры России, ведущее к сокращению трудоспособного населения и усилению региональных диспропорций, вновь актуализирует вопросы, поднятые еще в классических теориях демографии. В частности, идеи Томаса Мальтуса, сформулированные в конце XVIII века, во многом перекликаются с современными вызовами, хотя и в ином историческом контексте. Теория мальтузианства опиралась на 4 главных положения:

1) общество находится в состоянии равновесия только тогда, когда количество продуктов потребления соответствует численности населения;

- 2) цены на все товары определяются соотношением спроса и предложения;
- 3) скорость роста населения значительно больше, чем увеличение предметов потребления;
- 4) в обществе нужно создать экономико-демографическое равновесие, при котором уровень реальной заработной платы приведен в соответствие с прожиточным минимумом [17].

Теория народонаселения Т. Мальтуса представляет значительный научный интерес как первая систематизированная демографическая концепция, заложившая основы современного понимания взаимосвязи между ростом населения и ресурсной базой. По его мнению, экономика любой страны ограничена возможностями продовольственных и энергетических ресурсов, поэтому она не в состоянии обеспечить быстрый рост населения достаточным объемом пищи и иных потребительских благ. [17]. Мальтус был уверен в том, что человечеству грозит серьезная опасность от «абсолютного избытка людей», поскольку постоянно растущее население, создавая все новых и новых потребителей («едоков»), неизбежно понижает уровень благосостояния нации. Так, отказ от вступления в брак малообеспеченных людей, соблюдение строгих норм морали до вступления в брак, отказ от программ социальной помощи бедным могли бы помочь решить проблему перенаселения.

Бурное развитие капиталистической системы, сопровождавшееся резким ростом потребности в рабочей силе, демографическим взрывом в колониальных странах и одновременным снижением рождаемости в европейских метрополиях, на время отодвинуло мальтузианские теории на второй план. Однако, как показала история, эти идеи не были окончательно забыты – они лишь временно утратили свою актуальность, чтобы впоследствии возродиться в новых формах [2]. В настоящее время наблюдается бурный рост вновь возникших неомальтузианских воззрений.

Возрождение этих идей в XXI веке происходит на видоизмененной и методологической и идеологической основе, смещая фокус с чисто экономических обоснований в сторону экологической и технологической аргументации. Именно в этом ключе формируются современные неомальтузианские концепции, которые, наследуя основную парадигму о необходимости ограничения численности населения, предлагают новые механизмы и обоснования для её реализации.

Современные авторы Ю. Н. Сергеев, В. В. Дмитриев и В. П. Кулеш, в своем исследовании предлагали концепцию экологического мальтузианства и биосферного мальтузианства, где выступали за управляемое сокращение населения Земли, в том числе России, до определённого уровня [27]. Данная идея тесно пересекается с концепцией Пола Эрлиха – биолога, эколога и демографа. Ученый широко известен благодаря своим предупреждениям о рисках перенаселения и истощаемости ресурсов. Пик его популярности пришёлся на 1968 год после выхода книги «Популяционная бомба». Основная идея заключалась в том, что чрезмерный рост численности населения представляет серьезную угрозу как для человечества, так и для экологии Земли. Он утверждал, что рост мирового населения приведёт к голоду, а также предположил, что у людей должно быть не более двух детей [32].

Обращение к опыту КНР, наглядно демонстрирует недостатки политики государственного ограничения рождаемости. Данная мера должна была помочь модернизировать сельские регионы и уменьшить демографическую нагрузку за счёт снижения числа детей на одного трудоспособного гражданина. Подобные меры вводились неоднократно, а действующая политика «Одна семья — один ребёнок» была запущена в Китае 1979 году. [19] Политика ограничения рождаемости дала результаты, но привела к сокращению трудоспособного населения. При этом выросла продолжительность жизни пожилых людей. Опасаясь снижения доходов на пенсии, они стали меньше тратить, что негативно сказалось на экономике. В 2016 году власти Китая разрешили всем семьям иметь двоих детей, а на рождение третьего и вовсе стали смотреть сквозь пальцы. Однако рождаемость продолжила снижаться (в 2020 году — на 15%). Для выполнения социалистической модернизации к 2035 году Китай был вынужден разработать комплекс мер для решения демографического кризиса, включая стимулы для рождаемости и повышение пенсионного возраста. С 2000-х власти проводят кампании вроде «Забота о девочках», пытаясь повысить ценность дочерей. Также ограничены аборты, чтобы снизить число селективных прерываний беременности. С 2021 года введены «месячные охлаждения»

перед разводом. Даже при отмене ограничений многие семьи не готовы заводить больше детей. Долгие годы политика формировала установку «все ресурсы — одному ребенку», и для многих второй ребенок остается непозволительной роскошью. Критический анализ позволяет увидеть, что реальные проблемы лежат не в сфере «избытка населения», а в социально-экономических дисбалансах, требующих системных реформ, а не искусственного сокращения численности людей.

Исходя из вышесказанного, авторы считают, что экономический и демографический аспекты взаимосвязаны и кризис одной сферы незамедлительно ведет к кризам смежной сферы. Например, экономический спад, выражающийся в падении реальных доходов населения и сокращении рабочих мест, закономерно ведет к откладыванию браков и рождений детей, что, в свою очередь, усугубляет демографический спад и создает долгосрочные риски для экономики, сужая рынок труда и потребительский спрос. В связи чем, на государственном уровне в РФ должны быть предприняты меры по преодолению негативных тенденций в демографической структуре. В частности, для изменения ситуации требуется целостная, многоуровневая и преемственная системная политика, включающая улучшение условий для молодых семей, расширение мер поддержки рождаемости и создание стабильной социально-экономической среды.

Опыт других стран, таких как Китай, демонстрирует, что жесткие меры по ограничению рождаемости могут привести к долгосрочным негативным последствиям, включая дисбаланс в возрастной структуре населения и снижение экономической активности. В условиях России, где проблема депопуляции стоит особенно остро, необходима комплексная государственная политика, направленная на стимулирование рождаемости, поддержку молодых семей и создание благоприятных социально-экономических условий. Важными мерами могли бы стать расширение программ материнского капитала, улучшение доступности жилья, развитие инфраструктуры для семей с детьми, а также повышение престижа семейных ценностей.

Однако, важно отметить, что теория Т. Мальтуса не актуальна для современной России. Основные вызовы России — это не нехватка продовольствия, а неравномерное распределение богатств, низкая производительность труда, старение населения и зависимость от сырьевой экономики, тогда как мальтузианские риски (голод, перенаселение) характерны скорее для развивающихся стран с высоким приростом населения. И если Т. Мальтус утверждал, что рост населения неизбежно опережает производство ресурсов, создавая угрозу «абсолютного избытка людей» и снижения благосостояния, то сегодня Россия сталкивается с противоположной проблемой — депопуляцией и старением, что, однако, также ведет к дисбалансу между экономическими возможностями и демографическими тенденциями. В обоих случаях ключевым остается вопрос равновесия: для Мальтуса — между населением и продовольствием, для современной России — между трудовыми ресурсами и потребностями промышленности. При этом если Мальтус видел решение в ограничении рождаемости среди бедных слоев, то сегодня, напротив, требуются меры по стимулированию демографического роста и перераспределению трудовых ресурсов. Таким образом, хотя демографические реалии изменились, фундаментальный принцип необходимости баланса между населением и экономикой сохраняет свою актуальность.

В свою очередь основными индикаторами демографического кризиса являются устойчивый отрицательный естественный прирост населения, старение общества, снижение рождаемости, а также трансформация структуры семьи в сторону преобладания бездетных и однодетных домохозяйств. Эти тенденции усугубляются последствиями локдауна, экономической нестабильностью и скрытой статистикой военных потерь, что создает дополнительные риски для устойчивого социально-экономического развития.

Данные и методы

Дальнейший анализ влияния специфики функционирования российской экономики на демографические процессы проводится на основе рассмотрения следующих показателей: численность населения, прирост населения, рождаемость, смертность, количество новых браков и

процент развода. Изучение динамики этих показателей позволит количественно оценить масштаб и интенсивность проявления указанных выше индикаторов кризиса.

Ключевым статистическим показателем, характеризующим структуру населения, является естественный прирост, под которым понимается абсолютная величина разности между числами родившихся и умерших за определенный промежуток времени. Проанализировав общее число родившихся и умерших в период 2003-2023 (рисунок 1), авторы обращают внимание, что в большинстве рассматриваемых временных промежутков наблюдается отрицательный естественный прирост. В последнее десятилетие особо остро эта проблема наблюдалась в 2020-2023 годах. Объяснить это мы можем преимущественно только последствиями COVID-19, поскольку с 2022-ого года Росстат скрыл категорию смертности от «повреждений в результате военных действий».

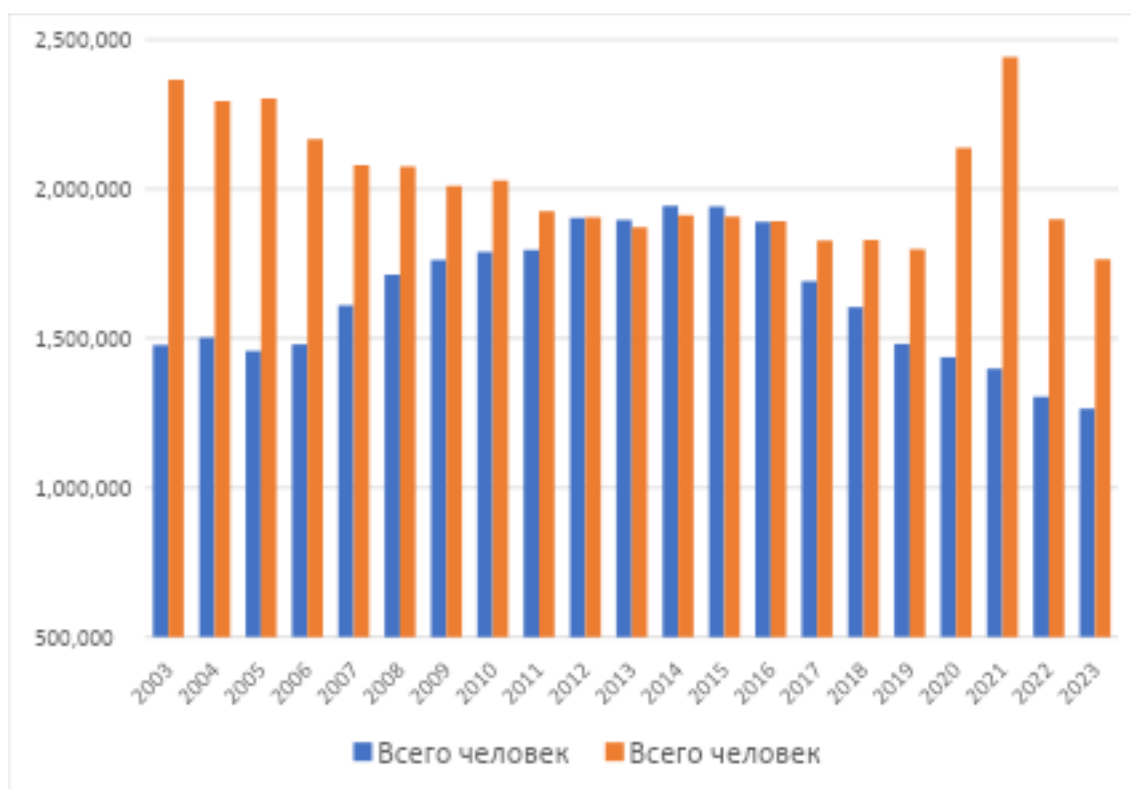

Рисунок 1 – Естественный прирост населения в РФ

Источник: составлено автором на основе статистических данных [2]

Превышение смертности над рождаемостью, бесспорно, приводит к ухудшению демографической ситуации в стране. Кроме того, с большей вероятностью наблюдается увеличение доли пожилого населения, что может создать дисбаланс в возрастной структуре населения. Это, в свою очередь, имеет ряд значительных негативных последствий для общества. Фактически, мы наблюдаем переход к модели общества с перевернутой возрастной пирамидой, где меньшинство трудоспособного населения вынуждено содержать растущее большинство нетрудоспособного.

С точки зрения экономики, сокращение доли молодого населения ведет к увеличению нагрузки на пенсионную систему, сокращение доли трудоспособного населения приведет к меньшему числу взносов в Социальный Фонд. Также возникает реальность повышения пенсионного возраста. При превалировании пожилого населения в стране наблюдается замедление экономического роста в связи с сокращением инвестиций, дефицитом кадров в ключевых отраслях (медицина, ИТ, промышленность).

Исследуя демографические последствия, следует отметить, что кроме естественной убыли населения также может наблюдаться «вымирание» сел в связи с тем, что молодежь уезжает в города. Это в свою очередь приведет к закрытию школ, больниц и других ключевых объектов инфраструктуры. Следовательно, повсеместно можно будет наблюдать деградацию сельских

территорий. Таким образом, демографический кризис проявляется не только в количественных показателях, но и в качественной деградации пространства, усиливая региональное неравенство и создавая предпосылки для долгосрочной социальной дестабилизации. В совокупности эти факторы формируют системный вызов, требующий не точечных корректировок, а комплексной стратегии, одновременно направленной на стимулирование рождаемости, повышение производительности труда и сбалансированное региональное развитие.

В соответствии со статьей 1-ой пунктом 2-ым Семейного кодекса Российской Федерации, «признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния» [27]. Благодаря анализу статистики численности заключения браков в России (рисунок 2), становится наглядно понятна общая отрицательная динамика. При этом исторический минимум зарегистрированных браков в исследуемых временных пределах был достигнут в 2020-ом году. Это объясняется локдауном, введенным вследствие коронавирусной инфекции COVID-19. К примеру, водились жесткие ограничительные меры (в том числе на проведение торжественных церемоний), ухудшилась экономическая ситуация, что заставило многие пары отложить свадьбы, а также возросли психологические нагрузки, влияющие на принятие решений о создании семьи. В свою очередь, максимальное количество браков было заключено в 2011-ом году. Данный показатель является следствием стабилизации экономической ситуации и регистрацией браков, отложенных по финансовым причинам в 2009-2010 годах. [4]

Рисунок 2 – Статистика браков в РФ

Источник: составлено автором на основе статистических данных [29]

В России расторжение брака регулируется Семейным кодексом РФ и происходит через ЗАГС или суд в зависимости от обстоятельств. Далее изучим статистику разводов (рисунок 3).

Общий линейный тренд свидетельствует о постепенном сокращении числа разводов. Однако такая динамика не однородна. Увеличение засвидетельствованного числа разводов приходится на период 2005-2009, 2012-2014, 2020-2022 годы. Так, на период 2005–2009 годов оказал влияние кризис 2008 года, которые спровоцировал в предшествующие и последующие годы рост безработицы, снижение доходов. Это привело к усилению социального напряжения в семьях. В следующем рассматриваемом периоде на число разводов повлияли преимущественно макроэкономические факторы: экономическая стагнация (замедление роста ВВП), курсовые колебания рубля (ухудшение покупательной способности валюты), рост ипотечной нагрузки, что увеличило долговую нагрузку на семью. Индивидуальное ведение хозяйства стало предпочтительнее. Кроме пандемии, на динамику

разводов в 2020–2022 годах повлияли мобилизация и эмиграция. Многие семьи разделились и ощутили значительное психоэмоциональное напряжение. Обобщая, рассматриваемые периоды характеризуются напряженностью в стране в экономической, политической и, как следствие, социальных сферах. В свою очередь, проведенный анализ демонстрирует прямую корреляцию между экономическими и политическими кризисами и распадом семей. Экономическая стагнация, падение доходов и вынужденная миграция разрушают стабильность брачных союзов, переводя системные риски на уровень отдельных семей.

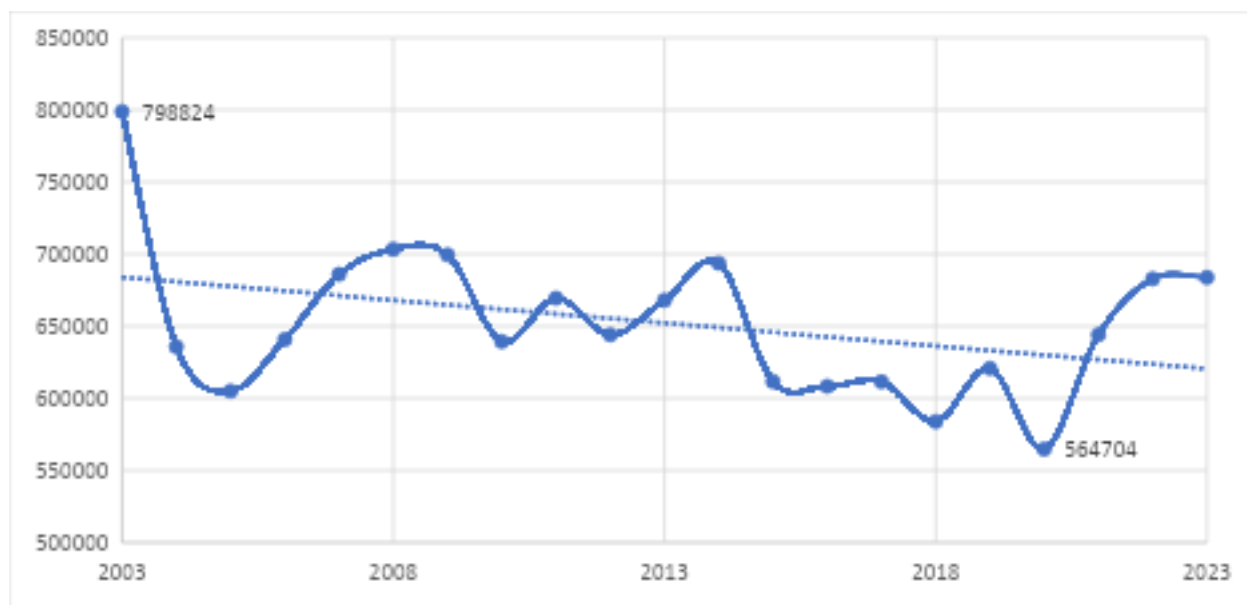

Рисунок 3 – Статистика разводов в РФ

Источник: составлено автором на основе статистических данных [29]

Претерпела изменения и структура семьи, с точки зрения численности детей. Авторы считают важным дополнительно проанализировать структуру российской семьи, с точки зрения численного состава детей (рисунок 4). По результатам переписи населения численность домохозяйств, не имеющих детей составляет 23 200 814. При этом многодетных семей насчитывается лишь 1 788 067. [12]

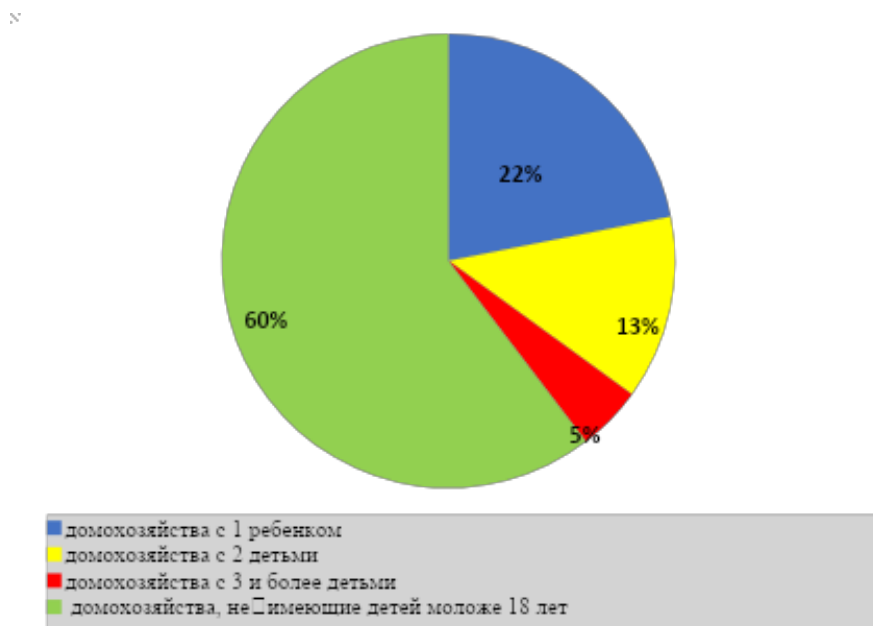

Рисунок 4 – Частные домохозяйства по числу детей моложе 18 лет

Источник: составлено автором на основе статистических данных [12]

Такой низкий процент многодетности в РФ является следствием перехода к супружескому типу семьи. Это подтверждают и итоги 2023 года: на основе данных Росстата, суммарный коэффициент рождаемости – среднее число детей, которое приходится на одну женщину, составил 1,41. При этом коэффициент рождаемости третьих и последующих детей, хоть незначительно, но вырос — с 0,36 до 0,37.[23] Стоит отметить, что коэффициент рождаемости в России с 2003 года демонстрировал неоднозначную динамику. В начале 2000-х годов, после глубокого демографического кризиса 1990-х, наблюдался постепенный рост: если в 2003 году суммарный коэффициент рождаемости (СКР) составлял 1,32 ребенка на женщину, то к 2012 году он увеличился до 1,69. Этот рост был связан с улучшением экономической ситуации, введением мер господдержки (материнский капитал с 2007 года) и вступлением в детородный возраст поколения 1980-х годов рождения. Пик рождаемости пришелся на 2015–2016 годы (СКР достиг 1,78), что частично объяснялось эффектом от демографических программ и благоприятной возрастной структурой населения. Однако с 2017 года началось постепенное снижение показателя. К 2021 году СКР опустился до 1,50, а в 2023 году составил 1,41 ребенка на женщину. Сокращение рождаемости связано с исчерпанием демографического импульса 1980-х, экономической нестабильностью.

Многодетность – далеко не массовое явление для современного российского общества. Рассмотрим типы многодетных семей, в зависимости от субъективных причин рождения такого количества детей. Первую группу (12%) составляют социально-ответственные семьи, которые планировали 3 и более детей. Многодетные семьи второго типа (27%) возникли в результате повторных браков. Около 6% многодетных семей являются маргинальными, с девиантным поведением родителей. Подавляющее большинство многодетных семей – 55% – возникло по незапланированным и непредвиденным обстоятельствам, в том числе вследствие многоплодных беременностей.[10]

Высокий процент семей, не имеющих детей моложе 18 лет (60%), свидетельствует о глубоких социально-экономических и культурных изменениях в российском обществе и отражает комплекс проблем. Рассмотрим основные причины такой ситуации.

Во-первых, демографический сдвиг и старение населения – значительная часть семей состоит из пожилых пар или одиноких людей, чьи дети уже выросли. Это объективный демографический процесс, связанный с естественным старением населения. Кроме того, снижение рождаемости в 1990-х и 2000-х годах привело к сокращению доли молодых семей с детьми.

Во-вторых, откладывание рождения детей или отказ от них. Многие современные молодые пары предпочитают сначала строить карьеру, улучшать жилищные условия или достигать финансовой стабильности, что приводит к поздним бракам и снижению рождаемости. Параллельно с этим растет количество семей, сознательно выбирающих бездетность (чайлдфри).

В-третьих, экономические барьеры. Высокая стоимость жилья, недостаточность мер государственной поддержки семей с детьми, низкий уровень доходов значительной части населения – все эти факторы вынуждают пары ограничиваться одним ребенком или вообще отказываться от родительства. В крупных городах ситуация особенно сложная – расходы на образование, медицинское обслуживание и обеспечение детей делают многодетность недоступной роскошью для большинства семей.

В-четвертых, происходит изменение семейных ценностей – переход от традиционной модели семьи к индивидуалистическим установкам, где личная свобода и самореализация ценятся выше родительства. В обществе растет толерантность к альтернативным формам семейных отношений. Все больше людей либо откладывают создание семьи на неопределенный срок, либо вообще не стремятся к официальному браку.

В-пятых, последствия кризисов – экономические потрясения (2008, 2014, 2020–2022 гг.), локдаун при COVID-19 и события на Украине усилили неуверенность в завтрашнем дне, что негативно сказалось на репродуктивных планах населения.

Обобщая все вышесказанное, можно определить, что основными индикаторами

демографического кризиса в современной России являются устойчивое сокращение числа браков, снижение числа разводов при сохранении их высокого уровня, отрицательный естественный прирост населения (превышение смертности над рождаемостью, усугубленное последствиями пандемии и скрытой статистикой военных потерь), а также изменение структуры семьи в сторону преобладания бездетных и однодетных домохозяйств (более 23 млн) при крайне низкой доле многодетных семей (около 1,8 млн). Эти тенденции свидетельствуют о переходе к супружескому типу семьи, где дети перестают быть ключевой ценностью, а также о росте альтернативных форм сожительства без официальной регистрации брака. Сочетание экономических, социальных и демографических факторов (старение населения, увеличение нагрузки на социальные системы, снижение престижа брака) подтверждает глубокую трансформацию общества, что требует разработки комплексных мер государственной поддержки.

Накопительный эффект выявленных демографических тенденций формирует системный вызов для экономики, переводя проблему из сугубо социальной плоскости в практическое поле стратегического планирования. Указанные изменения в брачно-семейной структуре и возрастном составе населения напрямую детерминируют качество и количество человеческого капитала, который является фундаментальным ресурсом для развития реального сектора экономики.

Демографические изменения создают принципиально новые условия функционирования производственного сектора, требуя переосмысления традиционных подходов к оценке промышленного потенциала. В отличие от краткосрочных экономических колебаний, демографические сдвиги формируют долгосрочные структурные ограничения, определяя не только количественные, но и качественные параметры трудовых ресурсов. Трансформация демографической структуры общества оказывает комплексное влияние на развитие производственных мощностей, что делает необходимым эмпирическую оценку данного воздействия через призму ключевых макроэкономических показателей. Для проведения данной оценки целесообразно обратиться к анализу конкретных статистических показателей, отражающих состояние промышленного сектора. Это позволяет перейти от теоретического осмысления демографических вызовов к количественному измерению их воздействия на экономику. В качестве ключевого индикатора, чувствительного к изменениям в количестве и качестве трудовых ресурсов, был выбран индекс промышленного производства. Оценим, какое влияние оказала трансформация демографической структуры на развитие производственных мощностей России. В связи с чем проанализируем индекс промышленного производства – макроэкономический индикатор, отражающий изменение объёма выпуска продукции в добывающих и обрабатывающих отраслях (рисунок 5).

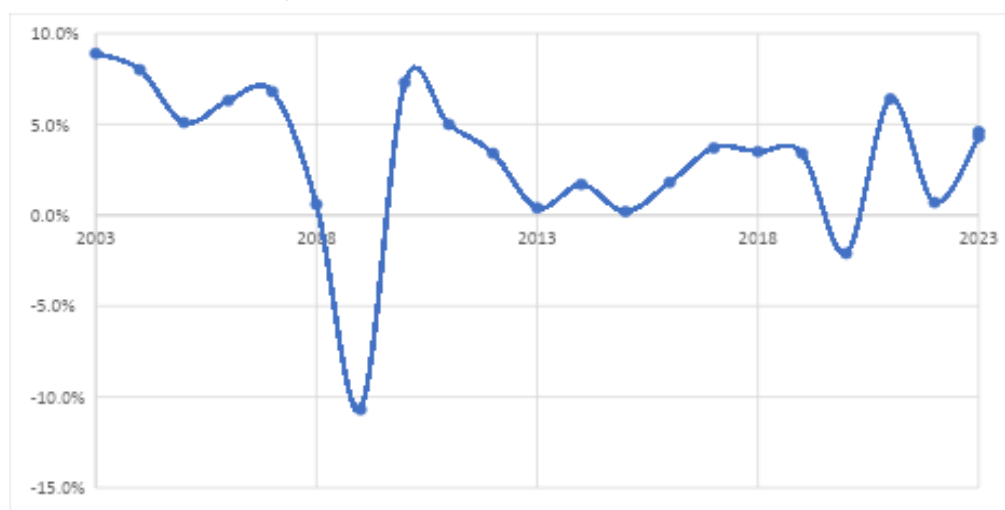

Рисунок 5 – Индекс промышленного производства РФ

Источник: составлено автором на основе статистических данных [11]

Динамика ИПП в России с 2003 по 2024 год демонстрирует выраженную цикличность и высокую чувствительность к внешнеэкономическим факторам. Начальный период (2003-2008 гг.) характеризовался устойчивым ростом с пиковыми значениями около +10%, что было обусловлено как эффектом низкой базы после кризиса 1998 года, так и благоприятной конъюнктурой мировых товарных рынков, особенно в нефтегазовом секторе. Однако мировой финансовый кризис 2008-2009 годов привел к обвальному падению показателя до -15%, выявив структурные слабости российской промышленности. Последующее восстановление в 2010-2012 годах оказалось непродолжительным – уже в 2013 году началось замедление, перешедшее в новую рецессию в 2015-2016 годах (-10%) на фоне введения западных санкций, падения цен на нефть и структурных проблем в экономике. Особенно тревожной выглядит динамика последних лет (2018-2024), когда индекс промышленного производства фактически стагнирует, колеблясь вблизи нулевой отметки, что свидетельствует об исчерпании прежних моделей роста и отсутствии новых драйверов развития. Эта стагнация происходит несмотря на попытки импортозамещения и свидетельствует о глубоких структурных проблемах, включая технологическое отставание, недостаток инвестиций и сохраняющуюся сырьевую зависимость экономики.

Одной из наиболее острых проблем современного общества является безработица, которая влечёт за собой серьёзные негативные эффекты: падение уровня жизни, рост бедности, потери в ВВП, снижение налоговых доходов и увеличение нагрузки на государственный бюджет. [15] Министр финансов РФ А.Г. Силуанов 25 апреля 2025 года на 51-м заседании Международного валютно-финансового комитета (МВФК) заметил, что «за последние два года доля занятого населения выросла более чем на два миллиона человек, в то время как безработица снизилась до исторического минимума в 2,4% (по данным за январь-февраль 2025 года)» [5]. Однако особое влияние следует обратить на следующую проблему: треть россиян работают не по специальности (см. рисунок 6).

Рисунок 6 – Занятость работающих россиян в соответствии с полученной специальностью

Источник: составлено автором на основе статистических данных [29]

Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, по данным на 2024 год среди работающих россиян старше 15 лет, имеющих специальность, подтвержденную дипломом, 53,4% выполняли основную работу, полностью соответствующую полученной специальности, 17% – близкую к полученной специальности, а 29,6% – не соответствующую полученной специальности [29]. Так, логично сделать вывод о том, что в России наблюдается проблема неэффективного использования человеческого капитала и профессионального потенциала работников. Это свидетельствует о структурных диспропорциях на рынке труда. В результате возникает недополученная экономическая ценность – снижается производительность труда, обесцениваются инвестиции в образование, а у работников падает мотивация и удовлетворённость профессией. То есть в современных условиях

российский рынок труда нестабилен и подвержен нежелательным изменениям, которые формируются под влиянием политических, правовых и демографических факторов [20].

Это, в свою очередь, ведет к целому ряду негативных социально-экономических последствий. С одной стороны, массовая работа не по специальности подрывает саму идею целевого образования и ведет к хронической нехватке квалифицированных кадров в стратегически важных отраслях, таких как здравоохранение, инженерное дело и ИТ. С другой стороны, возникает феномен «скрытой безработицы» среди дипломированных специалистов, когда формально занятые работники не реализуют свой профессиональный потенциал, что ведет к стагнации их доходов и снижению потребительской активности. Кроме того, данная ситуация усугубляет последствия демографического кризиса, поскольку дефицит качественных рабочих мест стимулирует отток молодежи из малых городов и сельской местности, усиливая региональные диспропорции.

Результаты

1) Кадровый дефицит и старение. Трансформация демографической структуры населения России оказала глубокое и многогранное влияние на развитие производственных мощностей, что проявляется не только в очевидных проблемах с трудовыми ресурсами, но и в изменении структуры спроса, трансформации региональной специализации и замедлении технологического прогресса. Это влияние носит комплексный характер, затрагивая как количественные, так и качественные параметры рабочей силы, что в конечном итоге ставит под вопрос возможность реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов в запланированные сроки. Сокращение доли молодого трудоспособного населения привело не только к острому кадровому дефициту, но и к снижению мобильности рабочей силы, что особенно критично для новых промышленных кластеров, требующих переезда специалистов в регионы с развивающейся инфраструктурой. Молодые сотрудники традиционно более гибки и склонны к смене места жительства ради карьерных возможностей, и их нехватка консервирует экономическую стагнацию в депрессивных регионах. Старение населения также создает дополнительное сопротивление модернизации промышленности. Более старшая возрастная категория работников зачастую обладает опытом, но может испытывать объективные трудности с переобучением и адаптацией к стремительно меняющимся цифровым технологиям и новым производственным процессам, что препятствует оперативному внедрению инноваций.

2) Региональные диспропорции. Демографическая динамика демонстрирует косвенный эффект на региональное распределение промышленности. Деградация сельских территорий и миграция молодежи в крупные города приводят к концентрации трудовых ресурсов в ограниченном числе регионов, что усиливает диспропорции в промышленном развитии. В то время как Москва, Санкт-Петербург и несколько других крупных центров могут поддерживать относительно высокие темпы роста за счет притока квалифицированных кадров, многие промышленные регионы, особенно в Центральной России и на Дальнем Востоке, сталкиваются с хронической нехваткой рабочих рук, что вынуждает предприятия либо сворачивать производство, либо автоматизировать его, что не всегда экономически оправдано. Вынужденная автоматизация в условиях отсутствия подготовленных кадров для обслуживания новых технологий зачастую приводит к неэффективным затратам и не решает проблему в корне, а лишь откладывает ее, создавая риски новых остановок производства.

3) Угроза технологическому суверенитету. Стоит отметить, демографический кризис усугубляет проблему зависимости промышленности от импортных технологий. Сокращение численности молодежи и снижение престижа инженерных профессий ведут к уменьшению числа специалистов в высокотехнологичных отраслях, что замедляет процессы импортозамещения и инновационного развития. Таким образом, формируется критический разрыв между амбициозными целями достижения технологической независимости и реальными человеческими ресурсами, способными эти цели воплотить. В долгосрочной перспективе это может привести к усилению сырьевой ориентации экономики, поскольку добывающие отрасли, в отличие от обрабатывающих, менее

чувствительны к демографическим изменениям и могут функционировать даже при ограниченном числе высококвалифицированных кадров. Этот структурный перекос в сторону сырьевого сектора закрепляет уязвимость национальной экономики от колебаний мировых цен на ресурсы.

Таким образом, трансформация демографической структуры не только ограничивает текущий промышленный рост, но и создает системные риски для будущего технологического суверенитета страны, требуя не просто точечных мер поддержки рождаемости, а и комплексной перестройки социально-экономической политики с учетом новых демографических реалий.

Заключение

Демографические изменения оказывают непосредственное воздействие на ключевые сферы жизни общества. В экономике это проявляется в сокращении трудовых ресурсов, увеличении нагрузки на пенсионную систему и снижении потребительского спроса. Социальные последствия включают перегрузку системы здравоохранения, деградацию сельских территорий и рост социальной напряженности. Кроме того, старение населения и снижение мобильности рабочей силы затрудняют модернизацию промышленности и технологическое развитие, усиливая зависимость от импортных решений.

Ключевым элементом такой стратегии должна стать интегральная политика, направленная на стимулирование рождаемости через повышение благосостояния семей, создание гибких условий для совмещения профессиональных обязанностей и родительства, а также привлечение и адаптацию квалифицированных мигрантов для компенсации естественной убыли населения и покрытия дефицита кадров в стратегически важных отраслях экономики. Параллельно необходима глубокая структурная перестройка экономики с акцентом на повышение производительности труда, активное внедрение трудосберегающих технологий и цифровизацию, что позволит нивелировать последствия сокращения численности экономически активного населения.

Таким образом, преодоление демографического кризиса требует не только краткосрочных решений, но и долгосрочной стратегии, учитывающей взаимосвязь демографических, экономических и социальных факторов в их интеграции. Непосредственно комплексный подход позволит обеспечить социально-экономическое развитие России в условиях глобальных вызовов и внутренних трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев В. Вырождение России: кто виноват и что делать // Политика и Общество. — 2006. — № 2. — С. 4–22. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=52962 (дата обращения: 30.01.2025).
2. Альпидовская М. Л. К вопросу об устойчивости теории Томаса Мальтуса // Теоретическая экономика. — 2020. — № 7 (67). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ustoychivosti-teorii-tomasa-maltusa> (дата обращения: 18.07.2025).
3. Богданова А. А., Мишина С. В. Влияние демографических изменений на развитие экономики Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. — № 4-1 (110). — С. 89–91.
4. В 2011 году в России сыграли свадьбу...: [исслед. РБК] // РБК: [сайт]. — URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/5671/> (дата обращения: 30.01.2025).
5. В Госдуме оценили идею платить миллион рублей за рождение первого ребенка // Звезда: телеканал: [сайт]. — URL: <https://tvzvezda.ru/news/2025425556-0FCi9.html> (дата обращения: 30.01.2025).
6. Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И. Перспективы развития России: роль демографического фактора // Научные труды Фонда «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара». — 2003. — № 53. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-rossii-rol-demograficheskogo-faktora> (дата обращения: 19.08.2025).
7. Государственная политика вывода России из демографического кризиса : монография / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян [и др.] ; под общ. ред. С. С. Сулакшина. — 2-е изд. — Москва: ЗАО «Издательство «Экономика»»: Научный эксперт, 2007. — 888 с.
8. Гундаров И. А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. — Москва, 2001. — 302 с.
9. Донской Д. А., Ужакова М. В. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. // ЭФО. — 2024. — № 4 (12). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-demograficheskoy-situatsii-v-rossiyskoy-federatsii-prognoz-na-2024-2026-gg> (дата обращения: 19.08.2025).
10. Заварихина Э. А. Многодетные семьи: понятие, критерии, проблемы социального обеспечения // Скиф. 2023. №3 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogodetnye-semi-ponyatie-kriterii-problemy-sotsialnogo-obespecheniya> (дата обращения: 19.08.2025).
11. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года: Число и состав домохозяйств. Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по типам, размеру домохозяйства и числу детей моложе 18 лет / Росстат. —// Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 31.01.2025).
12. Какорин И. А. Влияние демографии на экономику // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2023. — № 6-1 (100). — С. 156–159.
13. Кармова Б. З., Асланова Л. О. Особенности безработицы в России на современном этапе // Фундаментальные исследования. — 2020. — № 12. — С. 88–92. — DOI: 10.17513/fr.42914.
14. Кармова Б. З., Тхалиджоков М. З. Безработица в России в условиях кризисного состояния национальной экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2023. — № 10-1 (104). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezrabortitsa-v-rossii-v-usloviyah-krizisnogo-sostoyaniya-natsionalnoy-ekonomiki> (дата обращения: 11.05.2025).
15. Кудров В. М. Экономика России в Европе и мире: прошлое, настоящее и будущее // Общественные науки и современность. — 2011. — № 5. — С. 21–33.
16. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения / Т. Р. Мальтус. — Москва: Директ-Медиа, 2007. — 461 с. — Репр. воспроизведение изд. 1868 г.
17. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики: в 2 т. / Т. Мальтус, Дж. М. Кейнс, Ю. Ларин; предисл., сост. И. А. Столярова. — Москва: Эконов : Ключ, 1993. — Т. 2. — 486 с.
18. Минтруд предложил увеличить выплаты на детей до трех лет // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://>

tass.ru/obschestvo/23683755 (дата обращения: 30.01.2025).

19. На 10 девочек 12 ребят: как ограничение рождаемости в Китае привело к перекосу в численности полов // Forbes.ru: [сайт]. — URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/430059-na-10-devchonok-12-rebyat-kak-ogranichenie-rozhdaemosti-v-kitae-privelo-k> (дата обращения: 30.01.2025).

20. Ольховик О. В. Рынок труда и безработица в РФ: тенденции, факторы и проблемы // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. — 2023. — № 19. — С. 223–227.

21. Павлов Я. Н. Проблемы демографии на общегосударственном уровне // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Медицинские науки. — 2021. — № 4 (25). — С. 62–66.

22. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в России по годам // Демография и уровень жизни в России: [сайт]. — URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/784-rozhdaemost-smernost> (дата обращения: 30.01.2025).

23. Росстат раскрыл среднее число детей на одну женщину в России // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/03/2024/66014d649a79476bc9717e3e> (дата обращения: 31.01.2025).

24. Рудакова Е. К. Многофакторный анализ внутренних демографических угроз России // Власть. — 2020. — № 6. — С. 30–38.

25. Сапунов А. В., Сапунова Т. А., Багян Г. А. Анализ актуальной демографической ситуации в Российской Федерации // Естественно-гуманитарные исследования. — 2021. — № 1 (33). — С. 187–190.

26. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/f688669b9e3b36e556014fc5e4cc88223df202a2/ (дата обращения: 30.01.2025).

27. Сергеев Ю. Н., Кулеш В. П., Дмитриев В. В. Новая концепция демографического перехода // Биосфера. — 2020. — Т. 12, № 4. — С. 172–192.

28. Статистика браков и разводов в России по годам // Демография и уровень жизни в России: [сайт]. — URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/787-statistika-brakov-i-razvodov> (дата обращения: 30.01.2025).

29. Третью россиян работают не по специальности [Электронный ресурс] // Новости Норильска. — 2025. — 19 апреля. — URL: <https://news.sgnorilsk.ru/2025/04/19/tret-rossiyan-rabotayut-ne-po-speczialnosti/> (дата обращения: 19.08.2025).

30. Устойчивое развитие России в условиях глобальных изменений / М. Ю. Евсин, И. В. Измалкова, Т. Ю. Исмаилова [и др.]. — Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. — 106 с. — ISBN 978-5-00078-704-5. — EDN AIWGAL.

31. Число и состав домохозяйств. Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по типам, размеру домохозяйства и числу детей моложе 18 лет: итоги Всерос. переписи населения 2020 г. Т. 8 / Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 31.01.2025).

32. Я хотел бы не рождаться: восстание антинаталистов : [электрон. ресурс] // Telegraph. — URL: <https://telegra.ph/YA-hotel-by-ne-rozhdat-sya-vosstanie-antinatalistov-09-29> (дата обращения: 30.01.2025).

From malthusian fears to reality: to the question of the demographic crisis in modern Russia

Suchkova Uliana Sergeevna

Student,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: suchkova.uliana@yandex.ru

Tsurkan Marina Valerievna

Doctor of Economics, Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: morskaya67@bk.ru

KEYWORDS.

demographic crisis, socio-economic development, family structure, natural growth, population, malthusianism

ABSTRACT.

The demographic crisis in Russia, characterised by persistent depopulation, an ageing population, and changes in family structure, poses systemic risks to social and economic stability. Despite a significant amount of research, a comprehensive analysis of the relationship between demographic trends and contemporary challenges (the consequences of lockdowns, geopolitical instability) remains underdeveloped. The aim of this paper is to identify key indicators of the demographic crisis in Russia and assess the socio-economic consequences. To achieve this aim, the following tasks were set: to analyse the dynamics of key demographic indicators, assess the impact of demographic changes, and identify systemic risks and potential consequences of current demographic trends. The study employed methods of statistical analysis of data from Rosstat (on natural growth, birth rates, mortality, marriage rates, and household structure), comparative analysis of the effectiveness of demographic policy in Russia and China, and economic-demographic modelling of the consequences of demographic transformations. The findings of the research revealed that the main indicators of the crisis – negative natural population growth, an ageing society, decreased transformation, and structural changes in families – have a destructive impact on the economy, evident in the reduction of labour resources, pressure on the pension system, and on the social sphere, manifested in the degradation of rural areas and increased loneliness. It was established that negative natural growth in 2023 and the rising demographic burden lead to a decrease in labour resources and an imbalance in the pension system. There is a significant predominance of childless and one-child families, with an extremely low proportion of multi-child families. Some inadequacy of state support measures was identified. The conclusions drawn may be applied in the development of state demographic policy aimed at stimulating birth rates, supporting young families, and creating a stable socio-economic environment. A limitation of the study is the lack of data for certain periods, which opens avenues for future research, including an in-depth analysis of regional differences.
